

История самоидентификации лютеранства в Российской империи

Вопрос о том, каковы были отличительные черты лютеранской церкви в Российской империи, является весьма непростым. Эта церковь состояла из разных этнических групп, куда входили как иммигранты, так и жители завоеванных территорий. Поначалу проблема конфессиональной идентификации не была первостепенной. В XVI-XVII вв. все лютеранские церкви Империи признавали *Аугсбургское Вероисповедание 1530 года*, а позднее большинство из них признало и остальные лютеранские символические книги. Однако с наступлением эпохи пиетизма отличительные черты лютеранства становятся уже не столь отчетливыми. Символические книги, хотя так и не отвергнутые на официальном уровне, тем не менее, перестают служить определяющим фактором для множества религиозных сообществ. Позднее, с распространением идей рационализма, полагавшего символические книги лишь свидетельством о верованиях предшествовавших поколений, проблема конфессиональной идентификации становится еще более запутанной.

Данное исследование посвящено изучению отличительных черт лютеранства в Российской империи с первых дней эпохи Реформации и вплоть до Октябрьской революции. В нем будет показано, как развивалось лютеранское самосознание в тех церквях, которые впоследствии вошли в состав единой Лютеранской Церкви в Российской империи, до того времени, пока эта Империя не была раздроблена Октябрьской революцией. Также будут рассмотрены те обстоятельства, которые привели к признанию этими лютеранскими церквями всех символических текстов *Книги Согласия*, и те факторы, которые поставили под угрозу их конфессиональную самоидентификацию во времена пиетизма и рационализма. Наконец, будут проанализированы те события, благодаря которым в XIX в. произошло возрождение лютеранского самосознания и возрастание интереса к лютеранским символическим книгам и традициям. Данное исследование, в основном, базируется на таких источниках, как церковные уставы, служебники, в которых наиболее явно выражается самоидентификация этих церквей. При этом использованы и вторичные источники, по большей части исторического характера.

Эта работа будет интересна не только тем, кто изучает церковную историю, но также и тем, кого заботит влияние различных идей и веяний на положение дел в современном лютеранстве. Нетрудно заметить, что многие сегодняшние модные социальные и философские увлечения во многом являются лишь повторением тех, с которыми столкнулись лютеранские церкви Империи еще в XVIII-XIX вв. Вопрос о лютеранской самоидентификации становится особенно актуальным в эпоху торжества экуменизма, секуляризма и приспособленчества. В работе высказаны некоторые предположения о том, к каким последствиям привели те решения, которые были приняты церковью двести лет назад. В связи с этим, данное историческое исследование может оказаться полезным для нынешних деятелей церкви, так как быть готовым к решению сегодняшних проблем можно лишь тогда, когда усвоены уроки прошлого.

1. Церковь на пороге Октябрьской революции

В 1914 году, накануне Первой мировой войны, Лютеранская Церковь в Российской империи была третьей по численности лютеранской церковью в мире. Согласно статистике Генеральной Консистории Санкт-Петербурга в Российской империи

насчитывалось 3 674 000 лютеран¹. Более многочисленными были лишь лютеранские церкви в Швеции и в Германской империи². Среди неправославных, лютеранская церковь в России уступала по численности лишь Римо-католической, куда входили литовцы, украинцы и белорусы³.

Лютеранская церковь в России не была русской. Русским было запрещено принимать лютеранство. Лютеранским пасторам не разрешалось принимать в лютеранскую церковь бывших православных, сочетать браком православных с лютеранами, а также крестить детей, у которых один из родителей православный. За нарушение этого запрета полагалось суровое наказание, а за повторное нарушение – лишение сана. И хотя этот указ был упразднен в 1905 году, но это не поспособствовало притоку русских в лютеранскую церковь. Вдобавок, несмотря на решения властей, чиновники и полиция Санкт-Петербурга могли на территории своей юрисдикции продолжать жить по старым правилам. Да и семейные обстоятельства зачастую становились серьезным препятствием к принятию православными лютеранства.

Лютеранами в России были либо иностранцы, либо те, чьи предки были иностранцами. Поэтому неудивительно, что лютеранская церковь была весьма космополитичной. Наибольшую численность среди лютеран представляли латыши, которых насчитывалось 1 293 000. Большинство из них жили в Лифляндской и Курляндской губерниях, но также немало латышей было в Москве, Санкт-Петербурге и их окрестностях. Второй по численности группой были эстонцы. Их насчитывалось 1 100 000, и они, в основном, проживали в Лифляндии и Эстляндии, вдобавок, значительное количество эстонцев находилось на территории Московского и Санкт-Петербургского консисториальных округов. Третью по численности группу представляли немцы: 1 098 000. Немецкие лютеране жили в значительном рассеянии, хотя большинство из них жило в консисториальных округах Москвы и Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербургском округе было 415 000 лютеран-немцев, а в Московском еще больше: 490 000. Еще сто тысяч проживали в Лифляндии и семьдесят пять тысяч в Курляндии. Эти три этнические группы составляли более двух третей всех лютеран Российской империи. Кроме них среди лютеран также было 148 000 финнов, подавляющее большинство из которых жили в Ингерманландии, входившей в Санкт-Петербургский консисториальный округ; 14 000 шведов, проживавших, в основном, в Эстляндии и Санкт-Петербурге; 12 000 литовцев и 4 000 поляков в Литве, входившей в Курляндский консисториальный округ. Наконец, было еще 2 000 ливов (лат. *Livones*), 1 000 армян и еще около 1 000 лютеран, не входивших ни в одну из этих этнических групп.

Для упрощения картины можно сказать, что российских лютеран и лютеранские церкви можно было разделить на две основные категории: на тех, которые были на прибалтийских территориях, и на тех, которые находились в самой России. Лютеранская церковь в Прибалтике подразделялась на три консисториальных округа: Лифляндский (1 280 000 человек), Курляндский (669 000 человек) и Эстляндский (476 000 человек). В самой России было 703 000 лютеран на территории Санкт-Петербургского консисториального округа и 546 000 – на территории Московского округа. Эти два округа

¹ В эту статистику не вошли лютеране Польши и Финляндии, так как те лютеранские церкви обладали автономией и не входили в юрисдикцию Генеральной консистории Санкт-Петербурга. *Luthers Erbe in Russland*. Moskau 1918, 98.

² Согласно статистике, в Швеции в 1900 г. было 5 972 792 лютеран, а в Германии в 1905 г. было 37 646 852 евангелических христиан, большинство из которых были лютеранами. Перепись населения в Германии не проводила различия между лютеранами и реформатами. *Catholic Encyclopedia: An International Work of Reference on the Constitution, Doctrine, Discipline, and History of the Catholic Church*. Volume IX. New York 1910, 463.

³ Перепись Российской империи 1902 г. насчитывает 4 564 391 римо-католиков в диоцезах Могилева, Вильнюса, Тяльшяя (Жемайтии), Луцка-Житомира и Тирасполя. В этой переписи не были учтены римо-католики, проживавшие на территории Царства Польского. *Die Kirchen und das religiöse Leben der Rußlanddeutschen*. Katholischer Teil. Bearbeitung J. Schnurr. Stuttgart 1978, 24.

охватывали огромную территорию. Лютеране Ингерманландии и южной России находились в ведомстве Санкт-Петербурга, а области вплоть до Иркутска и даже еще восточнее подчинялись Московской консистории. Вся же Российская лютеранская церковь насчитывала 539 общин, 832 церковных здания и 996 молитвенных домов⁴. Всего в ней служили 553 пастора⁵.

Итак, лютеране Российской империи либо принадлежали к одному из прибалтийских народов и жили на своей родной земле, либо были иммигрантами с Запада, приехавшими в Россию по императорскому приглашению в XVIII-XIX вв. Лифляндия и Эстляндия перешли под контроль России в 1709 году после Полтавской битвы, когда шведы потеряли свое господство в этом регионе. Курляндию и Литву Российская империя аннексировала в результате Третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году. Немецкие иммигранты переселялись в Россию в Поволжье в район Саратова, а также в район Санкт-Петербурга, в Волынскую губернию, которая находилась на территории современной северо-западной Украины, и в южные губернии России: Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую и Бессарабскую, которые занимали большей своей частью юг современной Украины⁶. Наибольшая волна иммиграции произошла в результате манифеста императрицы Екатерины Великой 1763 года, приглашавшего жителей европейских стран переселяться в Россию, где было много свободных земель и была гарантирована свобода вероисповедания.

2. Конфессиональные особенности лютеранских церквей России и Прибалтики в XVI-XVII вв.

С самого начала лютеране прибалтийских стран считали себя *Церковью Аугсбургского Вероисповедания*. Быстрое и широкое распространение лютеранства происходило на территории старой Ливонской Конфедерации, куда входили земли Ливонского ордена, а также Рижской, Дерптской, Эзель-Викской и Курляндской епархий и в независимых Ганзейских городах: Риге, Тарту (нем.: *Dorpat*) и Таллине (нем.: *Reval*). Большая часть этих территорий находилась под властью немецких аристократов, которые были благосклонны к лютеранскому учению и обряду. Сначала лютеранство укоренилось в крупных городах: в Риге и Дерпте в Ливонии и в Таллине в Эстонии, и уже оттуда оно распространилось на окружающие их области. Лютеранство оказалось чрезвычайно важным фактором в самоидентификации этих регионов по причине распада Ливонской Конфедерации. Сильно ослабевшие церковные княжества, входившие ранее в состав Конфедерации, уже не могли успешно противостоять продвижению на запад войск Московского царства в 1558 году. Согласно Виленскому договору 1561 года Ливонский орден был распущен, а церковные княжества ликвидированы. Уже в 1559 году Эзель-Викский епископ продал свои земли датскому королю Фредерику II, который и обратил внимание на то, что церковь в этой области еще не была реформирована. Король постановил совершать богослужение по датскому церковному уставу и управлять страной в соответствии с *Аугсбургским Вероисповеданием*⁷. Согласно условиям Бремсбургского мира 1645 года Эзель (эст. *Saaremaa*) был передан Швеции. С 1561 года власть Швеции также распространилась на Таллин и западное побережье Эстонии. С тех пор Эстония и Эстонская церковь жили по шведским правилам, что подразумевало формальное принятие

⁴ *Luthers Erbe in Russland*. Moskau 1918, 98.

⁵ *Personalstatus der Evangelisch-Lutherischen und der Evangelisch-Reformierten Kirche in Russland*. Petrograd 1914, 3-108.

⁶ *Die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Rußland*. I Band. Der St. Petersburgische und Moskowsische konsistorialbezirk. St. Petersburg 1911, XV.

⁷ *Alvin Isberg Ösels kyrkoförvaltning 1645-1710. Kompetensvister och meningsmotsättningar rörande funktionssättet*. Uppsala 1974, 14.

Аугсбургского Вероисповедания и катехизисов Лютера. Оставшаяся часть Конфедерации была разделена на два региона: Курляндию, которая граничила с Литовским княжеством и Балтийским морем, и территорию, которая унаследовала название Ливонии и простиралась на север от Курляндии, включая в себя области современной центральной Латвии, а также южной и центральной Эстонии. В 1561 году Готхард фон Кетлер, последний магистр Ливонского Братства меченосцев, заключил договор с Римокатолическим королем Польши и Литвы Сигизмундом Августом, в результате чего Курляндия стала Польско-литовским ленным владением и официально провозгласила, что лютеранская церковь будет придерживаться учения *Аугсбургского Вероисповедания*⁸. В 1570 году был принят первый Курляндский церковный устав. В нем говорилось, что Церковь Курляндии держится учения, предписанного пророческими и апостольскими Писаниями Ветхого и Нового Заветов и его изложения в трех Вселенских Символах веры (Апостольском, Никейском и Афанасьевском), а также в катехизисах Лютера и *Аугсбургском Вероисповедании 1530 года*. Это стало основанием для всего христианского учения и практики. Церковный устав, напечатанный в 1572 году, предписывал всем пасторам досконально знать это учение и в простой форме преподавать его людям⁹.

Ситуация, сложившаяся в новой Ливонии, оказалась не такой однозначной. Договор, заключенный с Сигизмундом II Августом в 1561 году и получивший название *Privilegium Sigismundi*, подчинял эту территорию польско-литовской короне, но разрешал ее церквям продолжать придерживаться *Аугсбургского Вероисповедания*. Спустя двадцать лет по окончании Ливонской войны договор *Privilegium Sigismundi* был аннулирован, а вместо него в 1582 году был принят новый: *Constitutiones Livoniae*, принесший в Ливонию контрреформацию. На кафедре Вендена (латыш.: *Cesis*) была учреждена Римокатолическая епархия, что привело к значительному ослаблению лютеранской церкви. Восточная Ливония, где лютеранская реформация так и не достигла простого населения, оказалась под прочным влиянием Римской церкви. Контрреформация проникла даже в те области, которые до этого уже были лютеранскими. Наиболее сильным лютеранство оставалось лишь в районах Риги и Дерпта. И только с приходом к власти шведского короля Густава Адольфа в 1621 году и признанием власти Швеции лютеранство в Ливонии было восстановлено¹⁰.

Три прибалтийские церкви вполне можно назвать конфессиональными, коль скоро они признавали *Аугсбургское Вероисповедание* и катехизисы Лютера. Их не коснулись те разногласия, которые привели к написанию *Формулы Согласия*, поэтому у них не было нужды добавлять ее к конфессиональным документам. Поскольку Эстония и Ливония находились под властью Швеции, то их церкви также входили в состав Церкви Швеции. Первые разногласия возникли в Шведской церкви только в 1630 году, когда епископ Стренгнеса по имени Юханнес Матиэ Готус (*Johannes Mathiae Gothus*) начал публично пропагандировать внесение существенных изменений в богословие, церковное устройство и богослужебную практику Шведской церкви. Готус находился под сильным влиянием учения германского богослова Георга Каликста (*Georg Calixtus*), который выступал за объединение церквей на основании своей гипотезы о том, что в течение первых пяти веков церковь была единой и что в ней не было никаких разногласий. Готус пригласил

⁸ *Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI. Jahrhunderts*. Herausgegeben von Dr. jur. Emil Sehling. Bd 5, Livland. Estland. Kurland. Mecklenburg. Leipzig 1913, 45.

⁹ *De doctrina et ceremoniis sinceri cultus diuini Ecclesiarum Ducatus Curlandiae, Semigalliaeque etc. in Liouonia. – Kirchen Ordnung Wie es mit der Lehr Göttliches worts, Ausstheilung der heiligen Hochwürdigen Sacrament, Christlichen Ceremonien, Ordentlich ubung, des waren Gottesdiensts, In den Kirchen des Herzogthums Churlandt und Semigallien in Liefllandt, sol stetes vermittelst Göttlicher hülf gehalten werden. – Anno salutis 1570*. Rostock 1572, D.

¹⁰ *Ernst Hj. J. Lundström* Bidrag till Livlands kyrkohistoria under den svenska tidens första skede. Från Rigas intagande 1621 till freden i Olivia 1660. Uppsala 1914, 10-13, 22; *Hermann Dalton* Verfassungsgeschichte der evangelisch-lutherischen Kirche in Russland. – *Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland*. Band I. Gotha 1887 (далее – *Dalton* 1887), 75-80.

себе на помощь представителя Церкви Англии Джона Дьюри (John Dury), чтобы он поспособствовал проведению тех мероприятий, которые позволили бы объединить церкви Англии и Швеции в единую структуру с единым вероисповеданием. Сначала эта программа была представлена преподавателям теологического факультета университета Упсалы. Они отвергли ее как нелютеранскую. Тогда ее попытались донести до священнослужителей, но и их оценка была не лучше. Наконец, в 1638 году эту программу рассмотрел и отверг шведский Риксдаг. Воспользовавшись этой ситуацией, епископ Вестероса Юханнес Рудбек (Johannes Rudbeckius) убедил Церковь Швеции принять за доктринальную основу всю *Книгу Согласия*, включая *Формулу Согласия*. Готус продолжил попытки изменить церковное устройство, устав и порядок богослужения, но так и не добился успеха. «Билль о религии», принятый в Швеции в 1663 году, признал *Формулу* и другие символические тексты *Книги Согласия* в качестве основных конфессиональных документов шведской церкви. Это постановление было одобрено Риксдагом в 1664 году. Далее, в 1686 году Церковь Швеции утвердила новый устав, в котором явно упоминалась *Книга Согласия*. Именно так церкви Ливонии и Эстонии начали исповедовать всю *Книгу Согласия*¹¹.

Первым свидетельством о признании всей *Книги Согласия* церковью Курляндии является ее устав, выпущенный в 1727 году на латышском языке. В нем содержался чин поставления пастора на служение в приходе, в соответствии с которым кандидат должен был подписаться под Вселенскими Символами веры, *Неизменным Аугсбургским Вероисповеданием*, его *Апологией*, *Шмалькальденскими Артикулами*, катехизисами Лютера и *Формулой Согласия*. В этом документе не упоминается *Трактат о власти и первенстве папы*, но, вероятно, он мог рассматриваться как часть *Шмалькальденских Артикулов*. В немецких уставах 1741 и 1765 гг. приведены те же самые требования¹².

Далее речь пойдет об истории двух других прибалтийских церквей. Одна из них – это небольшая церковь, занимавшая территорию города Пилтене и его окрестностей, со всех сторон окруженная Курляндией. После развала Ливонской Конфедерации эта территория отошла к Дании, после чего в 1585 году датчане продали ее польско-литовской короне, и с 1611 года она вошла в состав Речи Посполитой. Этой церкви было позволено в учении и практике продолжать придерживаться *Аугсбургского Вероисповедания*. Но о принятии всей *Книги Согласия* нет ни одного упоминания вплоть до изданного в 1741 году Пилтенского чина рукоположения, в котором содержалось обещание, аналогичное вышеупомянутому обряду в Курляндских уставах. То же самое требование признания всей *Книги Согласия* было повторено и в Пилтенском уставе 1756 года¹³.

Что же касается истории лютеранской церкви в Литве, то она поистине уникальна. Лютеранство в Литве всегда было религией меньшинства. Благодаря прошлому опыту взаимодействия с тевтонскими рыцарями литовцы с подозрением относились ко всему немецкому. Вдобавок, жесткие законы короля Сигизмунда Старого (1467-1548) не позволяли открыто исповедовать лютеранское учение. Наказанием было лишение всего имущества и привилегий, а также, вероятно, изгнание. Его преемник король Сигизмунд II Август был более терпимым. При нем в Литве распространился кальвинизм, когда литовские аристократы, возглавляемые князем Николаем Радзивиллом «Черным», восстали против Римской Церкви. Число его последователей было столь велико, что казалось, что Литва станет восточным оплотом кальвинизма. Но вскоре кальвинисты раскололись на две церкви: одна осталась классической кальвинистской, а другая приняла

¹¹ Martin E. Carlson Johannes Matthiae and the Development of the Church of Sweden during the First Half of the Seventeenth Century. - *Church History* 13, 1944, 296-305.

¹² *Lettische Neu verbesserte-und vollständige Kirchen-Agende Oder Hand-Buch ...* Mitau 1727, 208; *Vollständiges Kirchen-Buch ...* Mitau 1741, 154; *Vollständiges Kirchen-Buch ...* Mitau 1765, 306.

¹³ *Agenda Ministrorum Ecclesiae Evangelicae in Districtu Piltinensi ...* 1741, 31; *Agenda ministrorum ecclesiae evangelicae in districtu Piltinensi ...* 1756, 53-54.

антитринитарную доктрину. Эта вторая фракция стала известна под именем «польские братья» или «литовские братья». Позже они также стали называть себя социнианами по имени Фауста Социна, которому удалось объединить под своим началом ранее соперничавшие друг с другом антитринитарные сообщества. Лютеране же изначально были в меньшинстве. В XVI веке было лишь два крепких немецких прихода: один в Вильне (Вильнюсе), а другой в Ковне (Каунасе). Кроме них было еще несколько разрозненных общин, в основном, в Жемайтии и на севере Литвы. Ни одна из протестантских общин не имела официального статуса, а впоследствии с приходом иезуитов и успехами контрреформации в стране воцарился окончательный Римокатолический порядок. В 1570 году было заключено Сандомирское соглашение – политический договор между лютеранами, реформатами и находившимися в Польше богемскими братьями с целью создания единого фронта польских и литовских протестантов ради их официального признания. Реформаты истолковали этот документ как экуменический манифест, провозглашающий единство лютеран с реформатами. Лютеране не разделяли такого отношения к документу и, в конце концов, в 1578 году отказались признавать этот договор¹⁴. Выход в свет *Формулы Согласия* и издание всей *Книги Согласия* значительно укрепили конфессиональное самосознание литовских лютеран. По мере усиления контрреформационных мер в 1585 году была сделана еще одна попытка объединения двух сторон на коллоквиуме в Вильне, но лютеране уже не были заинтересованы в каких-либо договорах, подразумевавших ослабление или искажение их учения. Материалы этого коллоквиума являются самым ранним надежным свидетельством о включении всей *Книги Согласия* в число вероисповедных документов литовской церкви¹⁵. Также конфессиональные документы перечислены в Виленском церковном уставе 1648 года¹⁶.

В самой России в XVI-XVII вв. лютеран было немного, в их число входили военнопленные, оказавшиеся в России во время Ливонской войны (1558-1583), а также дипломаты и торговцы. В конце 1575 или начале 1576 года им было позволено построить лютеранскую церковь в Москве, чтобы проповедовать Евангелие согласно требованиям, изложенным в *Аугсбургском Вероисповедании*. Еще раз *Аугсбургское Вероисповедание* упоминается в документах, связанных с готовившимся браком между датским принцем Иоанном, братом короля Дании Христиана IV, и царевной Ксенией, дочерью Бориса Годунова. Король дал согласие на этот брак при условии, если царь даст обещание, что и его брату-жениху, и всей его свите будет позволено молиться и совершать обряды лютеранской веры в соответствии с *Аугсбургским Вероисповеданием*. Иоанн умер в 1602 году, так и не успев жениться, но царь уже позволил лютеранам построить новую церковь и колокольню, несмотря на протесты со стороны православных архиереев¹⁷. Дополнительным стимулом для строительства лютеранской церкви стала просьба шведского принца Густава, который, приехав в Москву в 1599 году, пожелал, чтобы лютеранам было позволено построить церковь достаточного размера. Свидетельство о конфессиональной позиции московских лютеран содержится в церковном уставе 1678 года, составленном выдающимся медиком Лаврентием Блюментростом, приехавшим в Москву из Тюрингии, где он служил придворным врачом у герцога Эрнста I. Эрнст вдохновил Блюментроста отправиться в Россию и помочь в распространении

¹⁴ *Darius Petkūnas* Consensus of Sandomierz – a Unique Ecumenical Document in 16th Century Polish–Lithuanian Protestant Christianity. - *Concordia Theological Quarterly*, Vol. 73, No. 4, 2009, 318, 335.

¹⁵ *Darius Petkūnas* Das Vilniuser Kolloquium von 1585 als Bemühung des Fürsten Christophorus Radzivilus des Donners, die kirchliche Eintracht zwischen der Lutherischen und der Evangelisch-reformierten Kirche des Grossfürstentums Litauen zu bewahren. - *Colloquium habitum Vilnae die 14 Iunii, anno 1585 super articulo de Caena Domini. Institutum Litterarum Lithuanicarum Ethnologiaeque*. Vilnius 2006, 146.

¹⁶ *D.T.O.M.A. Des Wilnaischen Kirch-Collegii Kirchen-Ordnung ... Den 22 July Vilna Anno M.DC.XLVIII. – Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas, (Литовский государственный исторический архив, LVIA), LVIA F.1008, ap. 1, b. 402, p. 158v.*

¹⁷ *Dalton* 1887, 9-10.

лютеранства. Блюментрост обладал репутацией ревностного поборника конфессионального лютеранства, и в своем церковном уставе он настаивал на том, что в церкви могут проповедовать лишь те, кто прошел испытание и был рукоположен в соответствии с чистым *Неизменным Аугсбургским Вероисповеданием*. Там же говорилось о других символических книгах, но они остались неназванными¹⁸.

После Екатерининского *Манифеста* 1763 года на обоих берегах Волги как грибы после дождя начали плодиться новые лютеранские общины. Они не подчинялись ни одной консистории или другой высшей церковной власти, и их религиозная и богослужебная жизнь осуществлялась так, как она проходила на их родине, в зависимости от того, кто откуда приехал. Единственной структурой, осуществлявшей контроль над ними, стала *Юстиц-коллегия эстляндских и лифляндских дел* в Санкт-Петербурге. Данная Коллегия предполагала, что деятельность этих общин должна соответствовать Шведскому церковному уставу 1686 года, в котором основанием вероучения была названа *Книга Согласия*¹⁹. Но, несмотря на мнение Коллегии, каждая из этих общин жила по своим собственным правилам.

3. Влияние пиетизма на конфессиональную позицию церкви.

В конце XVII – начале XVIII вв. зародилось новое движение, которое смогло существенно повлиять на то, как лютеранские церкви стали относиться к своим вероисповедным книгам. Строго говоря, это движение не было единым, и разные его направления отличались в некоторых деталях, но все они впоследствии получили общее название – пиетизм. В 1675 в Германии, в Франкфурте-на-Майне Филипп Якоб Шпенер (Philipp Jakob Spener) опубликовал свою книгу *Pia Desideria*. В этой работе он призывал церковь к духовному обновлению и религии сердца. Шпенер не сделал ни одного прямого выпада против лютеранских символических книг или каких-то пунктов вероучения. Он считал достаточным лишь указать на то, что формализованные доктринальные утверждения и богослужебные чинопоследования лежат в сфере ума. Он призывал верующих объединяться в небольшие группы-ячейки, целью которых было способствовать религиозному самосовершенствованию и личному благочестию. Более радикальным деятелем, чем Шпенер, стал Август Герман Франке (August Hermann Francke), который проповедовал необходимость испытать религиозное перерождение, так чтобы каждый верующий в качестве гарантии подлинного обращения мог точно указать время и место произошедшего с ним перерождения. Весь образ жизни благочестивого христианина, включая даже прическу и одежду, должен быть явным свидетельством о том, что он не такой, как все остальные. Христианин – это благочестивый праведник, идущий по узкому пути, и на этом пути не должно быть табака, алкоголя, театра и танцев, которые ведут к разрушению и гибели.

Поначалу отношение большинства немецких церквей к пиетизму было отрицательным. И Шпенеру, и Франке постоянно приходилось переезжать с места на место в поисках пристанища и покровителей. В поисках покровителей им сильно мешало то, что они считали необходимым указывать каждому потенциальному покровителю на его крайнюю распушенность. Наконец, оба оказались в Бранденбургском Берлине, где реформатские власти, в отличие от лютеран, признали в них единомышленников. Курфюрст Фридрих III, как и пиетисты, недолюбливал ортодоксальных лютеран, которые, по его мнению, уделяли слишком большое внимание формальной доктрине, в то время как гораздо важнее то, во что человек на самом деле верит, а не какие-то внешние проявления. Дальнейшему распространению пиетизма способствовало покровительство прусского

¹⁸ Дмитрий Владимирович Цветаев Памятники к истории протестантства в России. Часть I. Москва 1888, 190.

¹⁹ Яков Дитц История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. - Москва 2000, 292.

короля Фридриха Вильгельма I. Он реорганизовал университет Галле, назначив преподавателями теологического факультета Франке и других пиетистов. Чтобы окончательно закрепить статус Галле и учения Франке, король в 1729 году издал указ, согласно которому все, кто изучает теологию в других университетах Пруссии, должны были несколько семестров отучиться в Галле, чтобы можно было проверить, все ли они правильно понимают, и чтобы удостовериться, что они не сбились с пути истинного²⁰.

Одним из первых поборников пиетизма в Прибалтике был Иоганн Фишер (Johann Fischer), генерал-суперинтендент Церкви Ливонии. Он столкнулся с немалыми трудностями при попытке импортировать пиетистских пасторов в Ливонскую церковь. В 1693 году в Швеции были ужесточены меры, препятствовавшие распространению пиетистских идей, а годом позже, в 1694 году, король Карл XI издал указ, запрещающий тайные религиозные собрания, а также ввоз сомнительной религиозной литературы. Задача короля состояла в том, чтобы предотвратить продвижение и распространение пиетизма на территориях, находящихся под властью шведской короны. Но суперинтендент Фишер нашел способ обойти данные запреты. Он сумел провезти в Ливонию из Галле ученика Франке по имени Михаэль Берендс (Michael Behrends). Берендс прибыл в Ливонию в 1695 г. в качестве домашнего учителя сыновей Фишера, но уже через два года Фишер сделал его настоятелем общины. Это дало возможность Берендсу провозглашать свои идеи как с кафедры мирянам, так и в среде собратьев-священнослужителей. Вскоре другие аристократы стали приглашать к себе частных учителей из Галле. Учителя из Галле владели современными методиками обучения, в их распоряжении были высококачественные учебные материалы, да и сами они отличались безупречными моральными качествами, что делало их весьма востребованными. Все они начинали свою деятельность с домашнего преподавания, но вскоре становились церковными органистами, канторами, учителями приходских школ и пасторами²¹.

Преподаватели Дерптского университета были всерьез озабочены возрастающим влиянием Галле и идущей оттуда пиетистской пропагандой. Они направили запрос королю, и разобраться с ситуацией было поручено канцлеру Дальбергу (Dahlbergh). В марте 1698 года в ответ на университетский запрос был издан указ, согласно которому университет получал власть контролировать и проверять всех частных учителей на предмет их происхождения, интересов, религиозных взглядов, конфессиональных убеждений, академический регалий и преподавательских способностей. С тех пор лицензию на работу частным учителем можно было получить только с согласия университета. Этот указ впоследствии был дополнен другими постановлениями, направленными на ужесточение контроля над всевозможными иностранными влияниями. В 1706 году король Карл XII постановил, что все студенты, получавшие образование за рубежом, были обязаны по приезде домой пройти проверку на благонадежность в вопросах веры. Они должны были представить подробный отчет о том, где и чему они обучались и в каких мероприятиях принимали участие. Позже, в том же году, был издан указ о книжной цензуре, в котором запрещались публикация, ввоз, продажа и распространение любой литературы, которая могла быть признана нелютеранской и вредной с богословской точки зрения²².

Власть Швеции над Эстонией и Ливонией внезапно прекратилась в связи с сокрушительным поражением шведских войск в 1709 г. Одним из важнейших пунктов мирного договора с русским царем по поводу переходящих к нему прибалтийских городов

²⁰ *Wilhelm Stolze* Friedrich Wilhelm I. und der Pietismus. – *Jahrbuch für Brandenburgische Kirchengeschichte*. 5. Jahrgang. Berlin 1908, 195; *Richard Gawthrop* Pietism and the making of eighteenth-century Prussia. Cambridge 1993, 218.

²¹ *Arthur Vööbus* Studies in the history of the Estonian people: with reference to aspects of social conditions, in particular, the religious and spiritual life and the educational pursuit. Vol. 3. Stockholm 1974 (далее - *Vööbus* 1974), 68-69.

²² *Vööbus* 1974, 75.

и территорий было сохранение статуса лютеранской церкви и четкое определение того, что будет считаться отличительными чертами лютеранства. Религиозные привилегии, полученные для Лифляндии (Ливонии) включали то, что Евангелическая вера должна быть сохранена и должна совершаться в соответствии с *Неизменным Аугсбургским Вероисповеданием* и другими лютеранскими символическими книгами. Удалось добиться тех же условий и для города Ревеля (Таллина): во всех городских церквях надлежало неуклонно придерживаться *Неизменного Аугсбургского Вероисповедания* и других лютеранских символических книг, и богослужения там могли совершать только лютеранские пасторы. Религиозные привилегии, дарованные Риге и Пернаве (Пярну), включали только то, что всем пасторам и школам должны соблюдать учение, обряды и наставления *Неизменного Аугсбургского Вероисповедания*²³.

Петр Великий был согласен предоставить лютеранам свободу вероисповедания, если они не выйдут за рамки своего конфессионального основания, но ему не было никакого дела до их внутренних дел и споров. Теперь церковь должна была сама бороться с пиетизмом, и в Лифляндии и Эстляндии эта борьба была вскоре проиграна. Почти все церковное руководство состояло из пиетистов и их сторонников. Цензура была отменена, и теперь пиетистская литература заполонила страну. В 1736 году генерал-суперинтендентом в Лифляндии был избран ревностный пиетист Якоб Бенъямин Фишер (Jacob Benjamin Fischer). Печатные станки штамповали все больше и больше пиетистских книжек, молитвенников и сборников гимнов²⁴.

В Курляндии, которая в то время еще находилась под властью Речи Посполитой, при поддержке герцога и ландтага (парламента) церковь твердо противостояла пиетизму. В Литве споры между пиетистами и традиционными лютеранами разразились в Виленской общине в 1720-е годы, но верх одержала ортодоксальная точка зрения²⁵. Похожая история с тем же результатом произошла и в Пилтене.

В самой России пиетизм распространялся медленно и лишь в единичных весьма разрозненных лютеранских общинах. В 1717 году в России было всего около десятка общин, и созданный в то время суперинтендентом Бартольд Фогетиусом (Barthold Vegetius) проект церковного устава не несет на себе никаких отпечатков пиетистского влияния²⁶. Тем не менее, Франке мечтал о проникновении пиетизма в Россию. В результате в Москву из Галле прибыл его представитель Юстус Самуэль Шаршмидт (Justus Samuel Scharschmiedt) с целью организации центра пиетистской деятельности и для налаживания непосредственной связи с Галле. Благодаря его усилиям в Москву не только начали завозить пиетистские религиозные книжки, но также и участились поездки представителей разных организаций Галле, способствовавших распространению идей пиетизма²⁷.

Сами пиетисты непрестанно заявляли о том, что они никоим образом не искажают церковного вероучения. Они утверждали, что являются традиционными лютеранами, и что они полной грудью дышат духом Реформации, который оживотворяет церковь и дает ей новую жизнь. Нет ни одного документа, указывающего на отказ пиетистов признавать

²³ *Die Capitulationen der livländischen Ritter- und Landschaft und der Stadt Riga vom 4. Juli 1710 nebst deren Confirmationen.* Nach den Originaldocumenten mit Vorausstellung des Privilegium Sigismundi Augusti und einigen Beilagen herausgegeben von C. Schirren. Dorpat 1865, (о капитуляции ливонской аристократии) 37, (о капитуляции города Риги) 65; *Die Capitulationen der estländischen Ritterschaft und der Stadt Reval vom Jahre 1710 nebst deren Confirmationen.* Nach den Originalen mit anderen dazu gehörigen Documenten und der Capitulation von Pernau herausgegeben von Eduard Winkelmann. Reval 1865, (о капитуляции города Ревеля) 35, (о капитуляции эстонской аристократии) 59, (о капитуляции города Пернавы) 96.

²⁴ *Vööbus* 1974, 93.

²⁵ *Johann Jever Verzeichniss allerhand pietistischer Intriguen und Unordnungen in Lithauen, vielen Städten Teutschlandes, Hungarn und America.* 1729, 1-20.

²⁶ *Hermann Dalton* Miscellaneen zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland. - *Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland.* Band IV. Berlin 1905, 21, 33.

²⁷ *Vööbus* 1974, 67.

хотя бы одну из книг *Книги Согласия*. Единственным исключением является случай, когда курфюрст Фридрих Вильгельм Бранденбургский, который, кстати, сам принадлежал к реформатской церкви, в 1656 году постановил, что кандидаты на рукоположение больше не обязаны подписываться под *Формулой Согласия*. Он заявил, что вполне достаточно будет признания Священных писаний Ветхого и Нового Заветов, древних Символов веры и *Аугсбургского Вероисповедания*. Король Пруссии Фридрих I продолжил эту политику и в 1710 году издал указ, согласно которому нужно было доводить до сведения всех приезжих пасторов, что на территории курфюршества Бранденбург *Формула Согласия* не входит в число символических книг²⁸.

Однако вскоре в Лифляндии и Эстляндии появилось еще одно пиетистское движение, которое уже явно отвергало лютеранское вероучение и *Книгу Согласия*. Эти пиетисты пришли из Гернгута, расположенного на территории имения графа Николая фон Цинцендорфа, который в свое время предоставил убежище богемским братьям, изгнанным из Моравии и Богемии. Земли Цинцендорфа находились на территории лютеранского курфюршества Саксония, поэтому Братству приходилось внешне демонстрировать свое уважение к лютеранской вере, вплоть до того, что они признали себя последователями *Аугсбургского Вероисповедания*, что, на деле, не было правдой. Богемские братья не были лютеранами и не следовали *Аугсбургскому Вероисповеданию*. У них было свое вероучение, свои служители и свой чин богослужения. Они были отдельной церковью. При этом Братство отличалось сильным миссионерским рвением. Главным делом своей жизни они считали исполнение Великого поручения Господа, и их нисколько не смущало то обстоятельство, что они вторгались на территорию других церквей. В 1729 году Гернгутский плотник Христиан Давид с двумя товарищами отправился в Лифляндию для оценки возможностей миссионерской деятельности. Там они встретились с пиетистски настроенным генерал-суперинтендентом Якобом Бенямином Фишером, который не одобрил их намерений, так как было очевидно, что они собираются заняться церковным служением. Тем не менее, они нашли пристанище в генеральском поместье Вольмарсгоф (Wolmarshof), где жила вдова генерала Магдалена Елизавета фон Галларт (Magdalene Elisabeth von Hallart), и превратили его в свою штаб-квартиру. В 1736 году сам Цинцендорф посетил Ригу и Вольмар (Валмиеру), а через год там была основана школа для подготовки миссионеров²⁹.

Фишер и лютеранское руководство поначалу считали, что Братство лишь намерено затеять в этой области некое духовное возрождение. В своей обычной пиетистской манере они называли их «братьями», даже не подозревая, что эти братья собираются основать свою отдельную церковь. В Эстляндии этим пиетистам оказали поддержку два члена консистории: Альберт Антон Фирорт (Albert Anton Vierorth) и Христоф Фридрих Миквитц (Christoph Friedrich Mickwitz). Гернгутерский пресвитер Фридрих Вильгельм Адольф Бифер (Friedrich Wilhelm Adolf Biefer) начал свою работу в Ревеле (Таллине) в 1738 году³⁰. Местные церковные руководители точно так же поначалу предполагали, что гернгутерские братья прибыли к ним на помощь, и даже не обратили внимания на тот факт, что Бифер раньше был кальвинистом, а не лютеранином. Он стал первым реформатским проповедником в этой лютеранской церкви. Гернгутеры организовали штаб-квартиру для работы с эстонским лютеранским населением в поселке Бринкерхофф (эст. *Kriimani*) неподалеку от Дерпта (Тарту) в северной Лифляндии. Многие вновь образованные гернгутерские общины подчинялись братскому руководству в Бринкерхоффе, а не лютеранскому церковному начальству. Братство также обосновалось и на острове Эзель, где суперинтендент лютеранской церкви Эберхард Гутслеф (Eberhard

²⁸ *Corpus Constitutionum Marchicarum ... von Otto Mylius. Erster Teil Von Geistlichen- Consistorial- und Kirchen-Sachen ... In Zwey Abtheilungen.* Berlin und Halle [ca. 1737], 366, 439.

²⁹ *Theodosius Harnack Die lutherische Kirche Livlands und die herrnhutische Brüdergemeinde. Ein Beitrag zur Kirchengeschichte neuerer und neuester Zeit.* Erlangen 1860 (далее - *Harnack* 1860), 27, 38.

³⁰ *Harnack* 1860, 47.

Gutsleff) стал их преданным соратником и участником организованного ими религиозного возрождения³¹.

Похоже, что ни в одном из вышеприведенных случаев церковное начальство даже не подозревало, что развитие гернгутерского движения может нанести ущерб церкви. Но «братья» уводили прихожан из лютеранской церкви в свою общину, где был свой церковный уклад, свой порядок богослужения и свой строго регламентированный образ жизни, а их собрания зачастую проводились в отдельных молитвенных домах. Все члены их общины делились на три группы: на полноправных членов, на приближенных и на новообращенных.

Многие склонны идеализировать деятельность гернгутеров в Лифляндии и Эстляндии. Некоторые даже заявляют о том, что до появления Братства у коренных латышей и эстонцев не было подлинной живой христианской веры. Принято полагать, что немецкие лютеранские пасторы не знали местного языка и что им не было дела до коренного населения. Тем не менее, в работах Феодосия Гарнака, в чьей верности лютеранству трудно усомниться, мы видим совершенно противоположную картину. Он опровергает слухи о том, что лютеранские пасторы пекутся только о немцах и не заботятся о духовных нуждах других людей³². Деятельность Гернгутского братства оказалась весьма разрушительной для церкви: они не просто создавали кружки единомышленников внутри церкви (*ecclesiola in ecclesia*), но, фактически, создали на базе церкви свою церковь (*ecclesia in ecclesia*)³³. Лютеранское учение и *Книга Согласия* были обесценены, и заметная часть прихожан Лифляндии, Эстляндии и Эзеля ушли из церкви. К 1742 году в братские общины вступило 13-14 тысяч человек, из них 3 тысячи в южной Лифляндии, 2 тысячи в северной, а остальные – в Эстляндии и на Эзеле³⁴.

Первыми, кто забили тревогу, были немецкие дворяне: именно они осознали, что происходит, и довели ситуацию до сведения имперского правительства в Санкт-Петербурге. В результате императрица Елизавета 16 апреля 1743 года издала указ, согласно которому братские молитвенные дома должны быть закрыты, литература конфискована, а руководство общин – выслано за пределы Российской империи. Последующий указ 1744 года запрещал въезд в Империю как лично Цинцендорфу, так и его эмиссарам³⁵. С тех пор братство собиралось тайно и оставались в подполье вплоть до 1764 года, когда Екатерина Великая сняла с них запрет в рамках ее программы по привлечению иммигрантов. К 1839 году в Эстляндии насчитывалось 48 000 членов Братства, а если прибавить к их числу всех тех, кто посещал их собрания, то общее количество превышало 70 000, что составляло десятую часть всех эстонцев старше четырнадцати лет. Самый высокий процент населения, принадлежавшего к Братству, был на острове Эзель, где к 1854 году он достиг 16%. В то время всего в Лифляндии и Эстляндии насчитывалось около ста тысяч членов Братства³⁶. Популярность братского движения иссякла лишь к середине XX века, и все попытки его возрождения не увенчались успехом.

Остальные лютеранские церкви Российской империи за пределами Лифляндии, Эстляндии и Эзеля также пытались бороться с разрушительным влиянием пиетизма. Успех в разных местах был разным. Курляндия сумела сохранить твердость и преданность своему вероисповеданию. В самой России поволжские общины иммигрантов жили каждая своей жизнью, и единственным контролирующим их органом была Юстиц-коллегия в

³¹ Vööbus 1974, 105, 107, 143.

³² Werner Elert Morphologie des Luthertums. Zweiter Band. Soziallehren und Sozialwirkungen des Luthertums. Frankfurt a. M. 1952, 213.

³³ Theodosius Harnack Die lutherische Kirche Livlands und die herrnhutische Brüdergemeinde. Erlangen 1860, 48.

³⁴ Vööbus 1974, 109-110.

³⁵ Vööbus 1974, 140-143.

³⁶ Jouko Talonen Herrnhut and the Baltic Countries from 1730 to the Present: Cultural Perspectives. – *Estonian Church History in the Past Millennium*. Ed. Riho Altnurme. Kiel 2001, 100.

Санкт-Петербурге. В тех из них, где катехизация не проводилась на должном уровне, пиетизму удалось пустить свои корни.

4. Рационалистический отказ от церковного вероисповедания.

Во второй половине XVIII века распространилось альтернативное пиетизму движение рационализма, в рамках которого стала возможной проповедь добродетели и нравственности без упора на вероучение и признания какой-либо метафизики.

Распространившись из реформатской Голландии во Францию, рационализм вторгся на лютеранскую территорию в Пруссии. Король Пруссии реформат Фридрих Вильгельм I руководил распространением пиетизма на своей территории. Себя он никогда пиетистом не считал, а хотел быть верным чадом реформатской церкви. Его сын и преемник Фридрих II уже не стремился быть благочестивым членом реформатской общины. Он бросил вызов вере отца и стал безразличен к религии, тем самым превратив Пруссию в убежище для атеистов и вольнодумцев и открыв дорогу рационализму. Рационализм обрел популярность среди образованного населения, включая даже большинство преподавателей теологических факультетов. Университет Галле, который еще совсем недавно был рассадником пиетизма, стал одним из центров рационалистического богословия. Этим же духом заразились все университеты Пруссии. Старые богословские нормы были отброшены, и теология превратилась в дисциплину, свободную от церкви и вероисповедания. Из всех лютеранских территорий именно в Пруссии были сделаны первые шаги по созданию историко-критического метода исследования Писания. В образованных кругах на смену пиетизму пришло новое увлечение: развитие современного добродетельного светского человека. Богословы теперь занимались не пиетистскими идеями, а рациональной философией. Самым ярким примером такой философии является трактат Иммануила Канта «Религия в пределах только разума» (1793 г.). В нем христианское богослужение, таинства и церковные обряды оцениваются с точки зрения того, насколько они способствуют поддержанию добродетели и нравственности³⁷. Из Пруссии новое движение ураганом разнеслось и по другим германским землям. Даже те земельные церкви и их светские правители, которым хоть как-то удавалось противостоять пиетизму, оказались бессильны против интеллектуального напора рационализма. Борьба с новой философией означало выступать против разума и современности, и мало кто хотел получить клеймо иррационалиста и ретрограда.

Лютеранская Церковь в Российской империи не была исключением. Первым делом рационализм, как товар, был завезен в портовые города: Санкт-Петербург, Ригу, Ревель (Таллин), так как именно они, наряду с Дерптом, были центрами образования и культуры. Оттуда рационализм распространялся через тех представителей знати и лютеранских пасторов, которые стремились быть в первых рядах всего нового и современного. Идеи рационализма сразу же отразились на проповедях, катехизации, гимнах, а также на форме и содержании богослужений и молитв. Ответственные за это священники уверяли окружающих, что все это легко можно менять, не затрагивая центральной сути Евангелия. Они утверждали, что занимаются лишь улучшением способа и стиля передачи Евангелия.

Рационализм не признавал никаких границ. Церковных руководителей традиционно избирали из числа самых образованных людей, а теперь все, кто получил хорошее образование, были рационалистами. К их числу принадлежал лифляндский генерал-суперинтендент Христиан Давид Ленц. Он был человеком новой эпохи, хотя, при этом, стремился сохранить церковь от развала. Именно с этой целью он проповедовал толерантность и взаимопонимание, так как ему казалось, что многие священники из мелких городков и деревень просто не понимают нового мышления, хотя многие,

³⁷ *Immanuel Kant Religion Within the Boundary of Pure Reason*. Edinburgh: T. Clark, 1838, 1-14, 203-217, 265-275.

напротив, слишком хорошо его понимали и открыто противодействовали ему. Вопреки ожиданиям сторонников нового мышления, оставалось немало мест, где пиетизм все еще не хотел сдаваться. В 1793 году Ленц обнародовал свои идеи. Он заявил церкви, что Создатель христианской религии и Его ученики не знали ни литургии, ни других церемоний. Все эти обряды появились позже для противодействия языческому идолопоклонству, но в результате многие обряды и церемонии сами стали проникшим в церковь идолопоклонством и суеверием. И Лютер, и Меланхтон, и Бугенгаген изо всех сил старались искоренить это идолопоклонство и суеверие во всех его проявлениях, но, к сожалению, сохранили некоторые обряды ради немощных в вере. И вот, воззвал Ленц, пришло время избавиться от последних отпечатков язычества, и орудием для такого очищения станет Просвещение. Он выразил сожаление о том, что многие пасторы и студенты, которые от всего сердца хотели бы поддержать новые начинания, все-таки отказываются согласиться с исправлениями. По его мнению, лютеранские символические книги – это всего лишь исторические документы, они имели значение в прошлом, но их время ушло. Этим книгам следует уделить почетное место в числе судьбоносных исторических документов, но они уже не властны над совестью человека. А те, кто призывает слепо повиноваться этим книгам, на деле пытаются учредить протестантскую инквизицию³⁸. Церковь же должна идти по узкому пути, остерегаясь и тех, кто сводит все христианство лишь к принципам нравственности, и тех, кто нетерпимо навязывает ветхую ортодоксию³⁹.

Центрами рационализма в Лифляндии стали Рига и Дерпт. В Риге его главными идеологами были пасторы Либориус Бергман (Liberius Bergmann), Август Альбанус (August Albanus) и Карл Готлоб Зонтаг (Carl Gottlob Sonntag), который в 1803 году был назначен генерал-суперинтендентом Лифляндии. Стараниями этих троих в 1801 году вышел в свет новый Рижский служебник, в котором молитвы и Символы веры были переделаны на модернизированный рационалистический лад. Авторам пришлось не по нраву древние церковные Символы и изложенная в них древняя вера, поэтому взамен они предложили текст, созвучный духу времени:

«Веруем что есть Бог, что Он Вечный, Единый, Бесконечный, Всеведущий и Всемогущий, Святой и Справедливый, Премудрый и Всеблагой, Творец, Хранитель и Правитель всего мира, а наипаче всех людей, что Он наш Всевышний Законодатель, Судья и Отец, и что ради нашего личного спасения нам следует Ему поклоняться не иначе как подлинным, неуклонным и детским послушанием Его заповедям.

Веруем, что Иисус Христос есть Сын, посланный Богом ради всего человечества, что Он достоверно явил нам волю Божию и что Своей жизнью, учением, страданиями и смертью Он избавил нас от власти и господства сомнений, заблуждений, суеверий, греха и скорби и даровал нам радостную детскую уверенность в Боге и несомненное ожидание жизни вечной, дабы мы могли стать участниками того блаженства, которое Он обещал нам и которое не обрести иначе как верным следованием Его примеру и неуклонным сознательным соблюдением Его наставлений.

Веруем, что если мы подлинно желаем быть мудрыми, добродетельными и блаженными, то Бог дает нам помощь Своего Духа, дабы даровать, сохранять и умножать в нас необходимые силы, побуждения и надлежащие средства, и что этими средствами Он ведет нас к той участи, которую уготовал для нас ныне и вовеки»⁴⁰.

³⁸ Вероятно, он имел в виду эдикт Вёльнера (Wöllner) 1788 года, которым Прусская церковь пыталась защитить себя от рационализма.

³⁹ Christian David Lenz Antwortsschreiben an einen der Theologie Beflissenen, seine Gesinnungen bey dem itzigen neuen für Aufklärung gehaltenen in der Theologie und Religions-Lehre eingerissenen Meinungen betreffend mit einer apologetischen Vorrede und dem Briefe, der zu diesem Antwortschreiben Gelegenheit gegeben. Riga 1793, 1-13.

⁴⁰ Liturgisches Handbuch für die Stadt-Kirchen zu Riga. Riga 1801, 226-228.

На смену исторической христианской вере пришла совсем другая религия. Рационалистам не было нужды вовсе отказываться от религии, напротив, они желали ее всей душой, но изображенный в процитированном Символе Христос – это уже не Агнец Божий, берущий на себя грехи мира, Который пострадал, умер и воскрес для нашего прощения, оправдания и спасения. Здесь мы видим учителя и борца с суевериями, грехом и скорбью, подающего нам пример радостной детской уверенности и обещающего вечную радость в светлом завтра.

Кроме Риги важнейшей стратегической целью был Дерпт, так как именно там находился единственный во всей империи лютеранский университет. Там рационализм воцарился на теологическом факультете. По мере того, как старые преподаватели уходили на пенсию, на их место приходили идущие в ногу со временем молодые.

В Курляндском герцогстве главным рационалистом был пастор д-р Карл Дитрих Верт (Karl Dietrich Wehrt). Курляндия была освобождена от соблюдения религиозных законов Швеции и следования шведскому церковному уставу. В 1785 году пастор Христоф Фридрих Неандер (Christoph Friedrich Neander) подготовил проект нового церковного устава⁴¹, и Верт воспользовался этой возможностью для издания модернизированного молитвенника и служебника, соответствовавшего духу времени. Так, в его новом радикальном чине крещения уже не было ни экзорцизма, ни помазания, ни даже осенения кандидата крестным знаменем, ни евангельского благословения детей, ни отречения от дьявола, дел его и путей его. Не было там и исповедания Апостольской Веры. Вместо всего этого служитель спрашивал собравшихся на крещение, готовы ли они предать себя вере в Бога Отца, Вседержителя и Творца, в Иисуса, Избавителя всего мира, и в Святого Духа, а также хотят ли они, чтобы эта вера перешла и к младенцу, как священные узы завета. Вместо традиционного благословения после крещения там стояли совсем другие слова: «Да благословится имя Твое, Всемогущий, ныне и вовеки»⁴². После этого пастор читал стихотворение, в котором просил у Бога даровать младенцу всегда покоиться в Божиих благословениях, жить богоугодной жизнью, быть успешным, процветать и быть счастливым и в назначенное Господом время покинуть сей смертный удел. Нет нужды рассказывать о тех изменениях, которые произошли с Евхаристическим чинопоследованием – оно было переделано в той же манере. Все сводилось к простой церемонии, где человек предавал себя Господу, подобно тому, как давным-давно Иисус решительно выступил против языческого начальства и иудейской толпы и пожертвовал Собой, став образцом непреклонной порядочности⁴³. Новый чин причащения гласил, что всякий, кто приобщится к этой трапезе, получит у алтаря силу и твердую решимость жить правильной жизнью.

В результате произошедших перемен стало совершенно непонятно, что значит быть лютеранином. В предыдущие столетия лютеранство определялось Вселенскими Символами веры, *Аугсбургским Вероисповеданием* и другими символическими книгами. Теперь это стало невозможным. Символы можно было переписывать на свой вкус, а символические книги были оставлены пылиться на полках. Лютеранство становилось неотличимым от обычного протестантизма, который, будучи одержим пресловутым «духом Лютера», отметал все ветхое и несся вперед, ведомый духом Просвещения. Быть протестантом означало встать рука об руку с Лютером в его борьбе с Римом: с его суевериями, пустой помпезностью и обрядовостью.

Рационализм принес страшные разрушения в богослужебную жизнь. Всякий пастор теперь сам брался составлять свои службы и молитвы, созвучные духу времени. В 1805 году Юстиц-коллегия получила от царя директиву унифицировать церковное богослужение. Главным богословом в созданной по этому поводу комиссии был назначен

⁴¹ *Entwurf zur Kirchenordnung 1785*. Mitau 1785.

⁴² *Handlungen und Gebete bey dem öffentlichen Gottesdienst in den Herzogthümern Kurland und Semgallen*. Mitau 1786 (далее - *Handlungen und Gebete* 1786), 127.

⁴³ *Handlungen und Gebete* 1786, 128-131.

не кто иной, как лифляндский генерал-суперинтендент Зонтаг. Сохранился составленный им подробный отчет о работе комиссии. Очевидно, что между членами комиссии не было согласия по поводу того, что вообще представляет собой церковное богослужение, зачем оно нужно и из чего должно состоять. Это обстоятельство привело к взаимным недовольствам и распрям в комиссии. А если уж было неясно, что такое богослужение, то зачем нужны отдельные обряды было ясно еще меньше. Некоторые члены комиссии настаивали на упразднении всех ритуалов. Наибольшим нападкам подвергалось крестное знамение, но Зонтаг был намерен сохранить его. Он заявил, что любит крест, так как смерть Иисуса все-таки следует продолжать считать значимым событием. Он также заметил, что люди часто сталкиваются со смертью, поэтому смерть Иисуса можно использовать как смысловое наполнение смерти близкого человека: отца, матери или друга. Он настаивал, что незачем стыдиться креста. А вот к Апостольскому Символу он отнесся более критично. Во-первых, в самом его названии содержится ошибка, так как он не был составлен апостолами. А во-вторых, считал он, этот Символ является не самым удачным изложением христианской веры. Но, несмотря на мнение председателя, комиссия решила сохранить Апостольский Символ⁴⁴.

В решении комиссии, опубликованном в 1805 году, лютеранская церковь была названа протестантской и была названа ее главная задача: «У протестантской церкви нет иной задачи, кроме той, чтобы помогать ее членам достигать высочайшей нравственности и удовлетворения в соответствии с текущими религиозными и нравственными обстоятельствами и нуждами общины. Для достижения этой цели она не признает никаких иных действенных средств, кроме правильного использования Библии и человеческого разума»⁴⁵. Следовательно, церковь – это одна из множества земных организаций, созданных для выполнения неких нравственных или этических задач. Ее отличие от остальных подобных организаций сводится к тому, что она оправдывает свое существование и свои действия божественной санкцией. Слова о том, что церковь управляется Библией и разумом, означают то, что толкование Писания должно осуществляться в соответствии с критериями человеческого разумения, коль скоро нигде не сказано о том, что решающий голос в вопросах веры и нравственности остается за Писанием. В этом определении нет и намек на то, что церковь создана Богом, и что сохранение и распространение церкви – это дело Святой Троицы. Также там нет ни слова о том, что определяющими факторами для церкви являются проповедь Евангелия и совершение таинств. Эти действия рассматриваются как один из видов церковной деятельности, некие обычаи и традиции, которые церковь решает продолжать соблюдать. Их ценность определяется исключительно в сфере нравственности.

Царь Александр I утвердил данное «Литургическое учреждение», и с этого момента лютеранские священники были обязаны его соблюдать. Многие встретили новый закон с энтузиазмом, коль скоро в нем нашли отражение их собственные убеждения, и теперь перед ними открывались новые литургические возможности. Предыдущий закон, принуждавший их следовать старым уставам, наконец-то утратил силу. Другие же, напротив, сочли новый закон совершенно бесполезным и старались как можно меньше обращать на него внимание. Им лишь приходилось в обязательном порядке совершать Молитву церкви, в которой были прошения за государя и его семью, но в остальном они продолжали служить по старым уставам.

5. Реакция правительства и реставрация лютеранского вероисповедания.

⁴⁴ *Carl Gottlob Sonntag* Geschichte und Gesichtspunct der Allgemeinen liturgischen Verordnung für die Lutheraner im Russischen Reiche. Riga 1805, 30-32, 41-48.

⁴⁵ *Von Sr. Kaiserlichen Majestät allerhöchst bestätigte Allgemeine Liturgische Verordnung für die evangelisch-lutherischen Gemeinden im Russischen Reiche*. St.Petersburg 1805, 3.

Какими бы важными для лютеранства городами ни были Рига и Дерпт, Санкт-Петербург был главнее: он был столицей Российской империи, интеллектуальным и культурным центром России, и в нем же располагалась Юстиц-коллегия – светская правительственная структура, контролировавшая лютеранскую церковь. Лютеранские пасторы Петербурга были всецело преданы духу рационализма и пытались внедрять его повсюду. В 1817 году в процессе подготовки к празднованию трехсотлетия Реформации они решили сделать особый акцент на том, что это празднование касается не только лютеран. Оно должно было стать знаковым событием для всей протестантской общины, так как этот день символизировал не просто удары молотка по дверям замковой церкви в Виттенберге, но свержение ига Римского рабства и зарю новой эры рационального мышления. В то время в Пруссии Фридрих Вильгельм III начал объединять лютеран с реформатами в единую «Евангелическую церковь», и петербургским пасторам пришла в голову мысль сделать то же самое и в России. Для достижения этой цели они решили использовать праздничные мероприятия, приуроченные ко дню Реформации. Для совместного проведения торжеств и объединенной службы со Святым причастием в церкви св. Петра были приглашены реформатские пасторы⁴⁶. Через месяц лютеранская и реформатская общины в городе Архангельске официально слились в одну. Лютеранские и реформатские пасторы подписали акт об объединении⁴⁷.

Юстиц-коллегия проинтерпретировала эти события как верный признак того, что нужно решительно продолжать дело объединения лютеран и реформатов под единое знамя. Князь Александр Николаевич Голицын, занимавший пост министра духовных дел и народного просвещения, довел этот проект до внимания царя, и 7 января 1818 года он объявил, что царь поддерживает эту идею и отныне лютеране и реформаты должны именоваться общим названием: «Евангелическая церковь». Голицын полагал, что все лютеране Российской империи воспримут эту новость с восторгом, но он глубоко заблуждался. Вскоре были получены резкие негативные отзывы из лифляндской оберконсистории и курляндской консистории. Голицыну пришлось пойти на попятную и сделать оговорку, что если кто-то по-прежнему хочет называться лютеранами, то правительство не запрещало такого названия, и что государь вообще не намерен вторгаться в дела совести, веры, молитвы и богослужений⁴⁸.

Но в том же самом году произошло событие, в результате которого массовое увлечение лютеран идеями рационализма пошло на убыль. Пастор церкви св. Екатерины в Санкт-Петербурге Иоганн Генрих Буссе подготовил новое издание старого рационалистского сборника гимнов 1783 года. Но это издание не было обычным репринтом: Буссе внес туда настолько радикальные рационалистические поправки, на которые не решались его предшественники. Когда он представил свой проект на утверждение членам Юстиц-коллегии, их несколько не смутило то, что некоторые гимны явно противоречат библейскому учению. Они знали, что в петербургских приходах уже несколько десятков лет службы совершались по старому рационалистскому служебнику и что никаких недовольств и происшествий в связи с этим не было. Вопреки их ожиданиям, реакция общин и пасторов на новый сборник была крайне негативной, и Юстиц-коллегия оказалась в весьма невыгодной ситуации. Дело в том, что к тому времени царь Александр I уже стал противником рационализма. Раньше он был его ярким сторонником, но события Французской революции и война с Наполеоном убедили царя в том, что рационализм способствовал возникновению демократических умонастроений и поощрял

⁴⁶ *Полное собрание законов Российской империи сь 1649 года. Собрание первое.* Т. 35 (1818) Санкт-Петербург 1830 (далее – ПСЗ Соб.1, Т. 35, 1830), 54; *Erik Amburger Geschichte des Protestantismus in Russland.* Stuttgart 1961 (далее - *Amburger* 1961), 68.

⁴⁷ *Hermann Dalton Urkundenbuch der evangelisch-reformirten Kirche in Russland. - Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland.* Band II. Gotha 1889, 155-159.

⁴⁸ ПСЗ Соб.1, Т. 35, 1830, 54, 54-55; *Amburger* 1961, 68. *Reinhold Wilhelm Baron Staël von Holstein Zur Geschichte der Kirchengesetzes vom Jahre 1832. – Baltische Monatsschrift.* Herausgegeben von Arnold von Tidebühl. Dreiundvierzigster Jahrgang LII. Band. Riga 1901 (далее - *Holstein* 1901), 133-134.

революции. Таким образом, Юстиц-коллегия, утвердив издание неблагонадежной литературы, должна была срочно принимать какие-то обратные меры. Члены коллегии заявили, что были обмануты пастором Буссе, после чего запретили использование нового сборника и постановили изъять все существующие копии. Пастор Буссе был бесцеремонно изгнан из прихода св. Екатерины, настоятелем которого он прослужил девятнадцать лет⁴⁹.

С этого времени правительство Российской империи решило вплотную заняться делами лютеранской церкви. 20 июля 1819 года был издан царский указ, в котором повторно был запрещен сборник гимнов Буссе. В указе говорилось, что в этом сборнике есть места со столь соблазнительным смыслом, что такого не приняли бы даже языческие авторы. Текст указа ясен и прост. Царь поясняет, что до сих пор лютеранской церкви было позволено существовать на территории Российской империи только на основании соблюдения Королевского Шведского церковного устава 1686 года, который обязывает иметь основанием Слово Божие и придерживаться вероучения трех Вселенских Символов веры, *Аугсбургского Вероисповедания 1530 года* и *Книги Согласия*. Все привилегии, даруемые этой церкви, зависят от соблюдения данного условия, и альтернативные точки зрения считаются неприемлемыми.

В том же указе царь положительно отзываясь о том, что единая Евангелическая церковь включает в себя как лютеранское, так и реформатское направление. В этой связи он напоминает и реформатам о том, что они, в свою очередь, также обязаны придерживаться своих конфессиональных документов. Он также заявляет о своем намерении учредить служение евангелического епископа по примеру епископального устройства церковью Финляндии, Швеции, Дании и Пруссии. Этот епископ будет осуществлять надзор над всеми евангелическими церквями: лютеранскими и реформатскими. Далее, для усиления государственного контроля царь создает в Санкт-Петербурге особое управление – Евангелическую Генеральную Консистирию, в задачи которой будет входить наблюдение за исполнением церковных уставов, за преподаваемым церквями учением, а также за жизнью и поведением духовенства. Первым президентом Генеральной Консистирии был назначен граф Карл фон Ливен, который занимал должность попечителя Дерптского учебного округа и был строгим пиетистом и противником рационализма⁵⁰.

Сразу же после своего назначения президент Ливен созвал Консистириальное заседание Юстиц-коллегии для формирования штата Государственной Евангелической Генеральной Консистирии. В своей вступительной речи он сразу же дал понять, насколько решительно он настроен против рационализма, и открыто осуждал все те перемены, которые произошли в Российской лютеранской церкви под рационалистическим влиянием. Граф Ливен заявил, что рационалистские богословы и проповедники забыли о том, что им надлежит быть служителями Христа, домостроителями тайн Божиих, посланниками Христовыми, призывающими людей к добытому Им примирению. Вместо этого рационалисты упивались духом Просвещения и вводили в заблуждение и самих себя, и слушающих их пустой философией и преданиями человеческими, отвергающими Христа. Они сочли Божие Слово собранием мифов и басен, которые называли преувеличенными гедбраизмами. Истину Божию они превратили в ложь. Отвергнув Слово Божие, они надменно полагались лишь на собственную мудрость. Они искали погрешности в Божием Слове и извращали Евангелие, похищая у людей веру и подменяя ее холодным рационализмом и бессердечной моралью, построенной на зыбучем песке. Ливен сказал, что будет чудом, если во всей Российской империи найдется хоть один лютеранский приход, в котором хотя бы десять или двадцать человек еще будут помнить веру церкви. Итак, пришло время вернуть церковь к ясному вероисповеданию, которое

⁴⁹ Dalton 1887, 260-261; Holstein 1901, 136-137.

⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 36 (1819) Санкт-Петербург 1830, 314-316.

было провозглашено миру в 1530 году в Аугсбурге. Он напомнил своим слушателям о той клятве, которую давал каждый лютеранский священнослужитель: о клятве учить согласно этому Вероисповеданию. Без этого исповедания церковь обречена на непрерывные метания во все стороны, куда только ни дуют ветры новых учений. Завершил он свою речь выражением глубокой благодарности государю за проявление столь благородного христианского духа и за его стремление оказывать братскую заботу о его лютеранах⁵¹.

Речь Ливена не была пустым красноречием. Это был его манифест, который он намеревался незамедлительно начать претворять в жизнь. Первым делом он взялся за теологический факультет Дерптского университета, где при поддержке ректора Густава Эверса он сумел выявить всех поклонников новой доктрины и заменить их на тех преподавателей, чье благочестие и верность Писаниям и лютеранскому вероисповеданию не вызывали сомнений. К 1823 году преподавателей факультета можно было условно разделить на три группы: строгое конфессиональное крыло, пиетистов и тех, кто по-прежнему находился под влиянием идей Шлейермахера и Гегеля. Ни одна из трех групп не доминировала над остальными, и все преподаватели были преданы традиционному лютеранству и лютеранскому вероисповеданию⁵².

Процесс создания Евангелической Генеральной Консистории длился более десяти лет. Первоначальный энтузиазм быстро прошел, и вскоре дело пошло медленнее, а в 1825 году вообще застопорилось из-за распри между графом Ливеном и прибалтийской знатью и консисториями, которые пытались сохранить за собой привилегированные посты. Тем не менее, кампания по борьбе с рационализмом не сбавляла темпа. Незадолго до этого в 1820 году генерал-суперинтендент Зонтаг, считая себя неуязвимым, опубликовал свой второй том *Sittliche Ansichten*⁵³, явно противоречащий лютеранской ортодоксии. Ливен отреагировал незамедлительно, и если бы не высокий чин и хорошие связи, Зонтаг бы лишился своего поста. Но смерть Зонтага в 1827 году ознаменовала собой и смерть рационализма в лютеранстве.

28 мая 1828 года царь Николай I издал указ о создании особого комитета для объединения Российской лютеранской церкви общим уставом, богослужением и управлением. Царское правительство было озабочено миссионерской деятельностью, которую проводили на Кавказе и на юге России Игнатий Линдль (Ignaz Lindl) и Иоганн Евангелиста Госснер (Johannes Evangelista Gossner). Петербургские пасторы и епископ Закариас Сигнеус (Zacharias Cygnäus) в 1827 году направили царю уведомление о том, что наведение порядка среди лютеран является невозможным ввиду отсутствия единого управления, регулирующего их деятельность. Поэтому царь принял решение, что всех лютеран следует объединить в одну организацию, и с этой целью он и распорядился создать особый комитет. Но на этот раз и речи не было о том, что единая «Евангелическая церковь» должна включать в себя не только лютеран, но и реформатов. Российская лютеранская церковь не желала повторить судьбу лютеран в Пруссии⁵⁴.

Новый закон о церкви был подписан царем 28 декабря 1832 года. Этот закон включал в себя устав лютеранской церкви. В уставе было сказано, что Лютеранская церковь в России основывается на Священных Писаниях, Вселенских Символах веры и

⁵¹ *Eduard Heinrich Busch* Beiträge zur Geschichte und Statistik des Kirchen und Schulwesens der Ev.-Augsburg. Gemeinden im Königreich Polen. St. Petersburg, 1867, 23-31.

⁵² *Heinrich Seesemann* Die Theologische Fakultät der Universität Dorpat 1802—1918. - *Baltische Kirchengeschichte. Beiträge zur Geschichte der Missionierung und der Reformation, der evangelisch-lutherischen Landeskirchen und des Volksirchentums in den baltischen Landen*, hrsg. von Reinhard Wittram. Göttingen 1956, 207-209.

⁵³ *Sittliche Ansichten der Welt und des Lebens für das weibliche Geschlecht: in Vorlesungen, geh. von Karl Gottlob Sonntag*. Bd.1 Riga 1818; Bd.2 1820.

⁵⁴ *Полное собрание законов Российской империи сь 1649 года. Собрание второе*. Т. 7, 1832. Санкт-Петербург 1833 (далее - *ПСЗ Соб.2*, Т. 7, 1832), 956-957; *Holstein* 1901, 167; *Dalton* 1887, 308; *Amburger* 1961, 72, 75.

всех символических книгах, вошедших в лютеранскую *Книгу Согласия* 1580 года⁵⁵. Как и в случае указа 1819 года, этот устав был обязательным для соблюдения всеми лютеранами. Единственным исключением стала не связанная данным уставом объединенная община в Архангельске, которая, наряду с некоторыми другими отдельными разрозненными общинами на юге России, подчинялась непосредственно министерству внутренних дел. Помимо этого, на территории Российской империи оставалось еще две обширных лютеранских церкви, не подчинявшихся петербургской Генеральной Консistorии. Одна из них была на территории автономного Великого княжества Финляндского, которая управлялась Соборным Капитулом в городе Борго. Другая находилась в автономном Царстве Польском, и управлялась Варшавской Консistorией.

В XIX веке произошло возрождение уважительного отношения к лютеранским символическим книгам и к эпохе лютеранской ортодоксии, причем не только в России, но и в некоторых областях Германии. С тех пор в России больше не возникало вопросов о том, чем лютеране отличаются от остальных. Все знали, что лютеранская церковь – это церковь *Аугсбургского Вероисповедания* и *Книги Согласия*, и авторитетность этих книг ни у кого не вызывала сомнений. Однако, как и следовало ожидать, по-прежнему существовало множество разных и даже противоречащих друг другу точек зрения на то, как следует толковать эти вероисповедные документы. Возникали разногласия между пиетистами и теми, кому хотелось большего литургического богатства. Некоторые аргументы в этом споре носили чисто эстетический характер, некоторые – исторический, а некоторые – явно богословский.

Церковный закон 1832 года учредил деятельность пасторских синодов, и они были созданы в 1834 году. Эти синоды не имели законодательной силы, но являлись прекрасной возможностью для проведения важных богословских дискуссий и оповещений. Дискуссии были жаркими, но все понимали, что нужно не переходить определенных границ во избежание какого бы то ни было радикализма. Но к концу XIX века, все же, начали раздаваться некоторые радикальные заявления. Например, петербургский пастор Юлиус Мютель (*Julius Muethel*) начал утверждать, что правильное освящение Таинства Алтаря требует особой молитвы о сошествии Святого Духа на святые дары. Также он учил, что таинство освящается именно такой молитвой, а вовсе не *Verba*⁵⁶. А точка зрения пастора Альфонса Мейера (*Alfons Meyer*) из Сараты в Бессарабии была прямо противоположной: он утверждал, что освящение таинства вообще не требуется, так дары уже были освящены в иерусалимской горнице⁵⁷. Пасторам приходилось обсуждать эти и подобные точки зрения на основании Писания и символических книг, и радикальным учениям не дано было восторжествовать.

В начале XX века появились первые признаки проникновения либерального богословия из Германии в Россию. Преподаватели Дерптского теологического факультета стали проявлять повышенный интерес к психологии религии, но это не было расценено как нечто идущее вразрез с учением церкви. Сферой интересов психологии были религиозные переживания человека⁵⁸. В протоколах синодальных заседаний того времени нет свидетельств о том, что пасторы или церковь были хоть сколько-нибудь озабочены популярностью нового учения. Тем не менее, либеральные тенденции продолжали проникать в Лифляндию. Многие пасторы были хорошо знакомы с новыми богословскими веяниями и полностью разделяли их. Среди них, например, были те, кто выступил с предложением заменить в обряде конфирмации Апостольский Символ на что-

⁵⁵ ПСЗ Соб.2, Т. 7, 1832, 957.

⁵⁶ *Julius Muethel* Ein wunder Punkt in der lutherischen Liturgie. Beitrag zur Liturgie. Leipzig 1895, 2.

⁵⁷ *Alfons Meyer* Noch einige Desideria zur neuen Agende. - *Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland*, begründet von Dr. C. C. Ulmann, gegenwärtig redigirt von Th. Taube. Bd. 52. Riga 1896, 354.

⁵⁸ *David M. Wulf* Psychology of Religion. Classic and Contemporary Views. New York 1991, 15-16, 555-559.

нибудь более современное и соответствующее духу времени⁵⁹. Но разразившаяся Первая мировая война разом положила конец всем вызревающим росткам либерального богословия.

Российская империя рушилась, и наступали годы революции. К концу второго десятилетия XX века бывшая Лютеранская Церковь Российской империи была раздроблена на части. Значительная часть той церкви оказалась на территории Советского Союза во враждебной среде и под угрозой уничтожения. Но большая часть приходов теперь располагалась в трех независимых прибалтийских государствах, в каждом из которых было свое церковное руководство. Прибалтийским церквам предстояло наслаждаться свободой вероисповедания, при этом каждой из них пришлось по-своему решать проблемы, вызванные либеральным богословием и этническим противостоянием между немцами и местным населением.

Published at www.liuteronai.lt in 2012

⁵⁹ *Protokoll der 73. Livländischen Provinzial-Synode, gehalten zu Pernau vom 22. bis zum 27. August 1907.* Riga 1907, 17-19.